

УДК 902.2

Ю.И. Ожередов

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КУСТОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Рассматривается история изучения и интерпретации одного из стационарно исследованных автором базовых памятников палеоселькупов локально-диалектной группы шиешигула – Кустовский могильник. Некрополь входит в комплекс, который включает еще четыре селища. Ближайшее к нему Кустовское селище I изучено стационарно и совпадает с одним из периодов функционирования некрополя. Три других также могут иметь совпадения в хронологии и культурной принадлежности.

Ключевые слова: Кустовский археологический комплекс, палеоселькупы шиешигула, второе тысячелетие, археолого-этнографические параллели.

Исследование Кустовского археологического комплекса составляет существенную часть изучения палеоселькупского населения Нарымского Приобья, являющегося не только территориальной, но и культурно-исторической областью Среднего Приобья. В более суженном формате исследование касается проблем территориального размещения, материальной и духовной культуры, а также элементно-культурного состава одной из локально-диалектных групп селькупов, именованной Г.И. Пелих *шиешигула* [1]. Следует оговориться, что *шиешигула* – понятие более археологическое, нежели этнографическое. По определению Г.И. Пелих, это люди, жившие в XVII в., т.е. палеоселькупы, которые только частично коррелируются с этнографическими понятиями «*шошкуп*», «*сондоровские*» и т.п. Г.И. Пелих указывала на немаловажный факт связи данного населения с предшествующей рёлкинской археологической культурой, которую, по мнению ряда исследователей, оставили две группы самодийцев, в дальнейшем послужившие становлению селькупского этноса, завершение формирования которого происходит приблизительно в начале II тыс. н.э. [2. С. 231]. Таким образом, использованные в статье материалы следует трактовать как остатки «древнеселькупской» культуры.

Изучение *шиешигула* с археологической точки зрения в настоящее время является одной из наиболее актуальных задач селькуповедения в связи со значимостью их роли в формировании селькупского этноса в целом. Особенно данная проблема обострилась в связи с тем, что этнографическая наука практически исчерпала свои возможности для освещения данной темы. А кроме того, археология на данном хронологическом отрезке позволяет получить много больше материальных источников, которые в этнографии лишь упомянуты в виде сакральных объектов, окружающих и сопровождающих ми-

фологические персонажи в их реальной и ирреальной бытности. Следует заметить, что в методическом отношении многие вопросы мировоззренческого свойства достаточно успешно решаются в призма семантического подхода. Для уяснения территориально-географической подоплеку проблемы следует напомнить, что *шиешигула*, являясь одной из самых мощных группировок южных нарымских селькупов, включала в свои владения значительную территорию левобережья Нарымского Приобья. По этнографическим данным расселение данной группы распространялось вплоть до Обь-Иртышского междуречья. Присутствие палеоселькупов вполне определенно выявлено в Барабе [3. С. 187; 4. С. 88; 5].

В свете вышесказанного особое значение приобретает изучение археологических памятников II тыс., располагающихся в русле р. Кёнга, по которому очень долго осуществлялась прямая связь с другими селькупскими группами на востоке, а также родственным и инородным населением на юго-западе и западе (татары, ханты) [6. С. 102–103]. С этой целью на левобережье р. Кёнки, образующей при слиянии с р. Чузик левый приток Оби р. Парабель, автором стационарно изучен Кустовский комплекс археологических памятников: курганный могильник и одно из четырех селищ (КС I) [7. С. 84–86]. Комплекс располагается примерно в 5 км вниз по течению реки от ныне брошенного пос. Центральный.

Начало изучению комплекса было положено в 1930-е гг. директором Нарымского окружного музея (позже – Колпашевский краеведческий музей) П.И. Кутафьевым, который вскрыл четыре из пятнадцати зафиксированных им насыпей Кустовского могильника, где было обнаружено 5 захоронений: по одному в курганах 1, 2, 8 и два в кургане 7. При этом в кургане 8 находился кенотаф в виде бревна дл. 2,1 см, в «ногах» которого оказался ке-

рамический сосуд, а рядом несколько предметов обихода. По местному топониму могильник получил название «Ямки». Так называли местные жители территорию средневекового кладбища, занятого курганными насыпями и изрытого окологурганскими ямами. Исследователем было сделано достаточно подробное описание курганов, инвентаря, приведена своеобразная реконструкция погребального обряда и социальных отношений. Кутафьев считал, что Кустовский некрополь оставлен локально-диалектной группой селькупов *чумьлькуп*, которые фиксировались на тот момент в качестве обитателей территории. Однако каких-либо тому подтверждений, полученных от информаторов, он не приводит.

Материалы раскопок были изложены в «Отчете...» [8] и в рукописи неопубликованной статьи. Вопрос хронологии памятника автор оставил открытым, но в контексте его отчетной работы явно прослеживается сближение Кустовского с Гребенщиковским могильником, тогда же раскопанным П.И. Кутафьевым выше по течению р. Кёнгй. Последний он ошибочно датирует на основании находок двух немецких счетных жетонов Ганса Краувинкеля XIII–XIV вв., опрометчиво полагая, что данные жетоны являются знаками одного из торговых домов (Ивана Гривинга – так именован мастер. – *Авт.*) принадлежащего Ганзейскому союзу, «самый цветущий период» которого приходится именно на указанные века [8. С. 40]. Как выяснилось впоследствии, Кутафьев не ошибся в своих предположениях о близости двух могильников, но не совсем был точен с датами. На основании той же аналогии на Кустовский могильник им была распространена и своеобразная трактовка погребального обряда, через который автор выходит на реконструкцию социальных отношений данного общества. На основании собственных наблюдений он характеризует их «резко выраженным имущественным неравенством с наличием патриархального рабства» [8. С. 44].

Памятники р. Кёнгй оказались на тот период томской археологии настолько яркими, что в 1950-х гг. А.П. Дульзон не преминул специально изучить собранные предшественником материалы и частично опубликовал их под новым наименованием – Кустовский курганный могильник [9. С. 201–203. Табл. XI–XIII]. С этого момента в литературе стали бытовать два названия могильника, что в дальнейшем привело к негативному представлению о двух самостоятельных памятниках (Кустово и Ямки) [10. С. 39, 40, 41, 43]. А.П. Дульзон был крайне осторожен и в своих суждениях не

вышел далее чем за предварительную хронологическую оценку, которая частично совпала с датой Кутафьева. В части датирования памятника он ограничился лишь фразой касательно наконечников стрел: «...подобные формы в курганах Томского района более позднего времени (начиная с XIII в.) не представлены» [9. С. 202]. Иными словами, он, таким образом, наметил верхнюю дату памятника. В 1970-е гг. Л.А. Чиндина предложила нижнюю его дату в пределах X–XI вв. [11. С. 135].

Не будучи досконально изученным, памятник тем не менее получил статус опорного для региона и попал в издание обобщающего характера [2. С. 233]. В.А. Могильников даже однажды высказал мысль о выделении самостоятельной Кустовской археологической культуры, однако далее предложения дело не пошло. Однако материалы П.И. Кутафьева в изложении А.П. Дульзона стали основополагающими для характеристики населения Нарымского Приобья в X–XIII вв., несмотря на то, что «памятники этого времени в Томско-Нарымском Приобье исследованы слабо» [2. С. 232]. В 1984 г. могильник был вновь разведан автором [5]. В ходе обследования и составления плана памятника стало ясно, что план Кутафьева совершенно произвольный и не отвечает действительности. Курганы на нем изображены рассредоточенными, тогда как на самом деле они сформированы в три группы, вытянувшиеся дугой с севера на юго-запад вдоль кромки языковидного края террасы. Большая часть насыпей в группах сливалась своими полами: 1-я гр. – к. 1–7; 2-я гр. – к. 8–11; 3-я гр. – к. 12–16. Особняком располагались насыпи, оказавшиеся без захоронений (поминальные?).

Раскопы 1930-х гг. остались без рекультивации, поэтому отчетливо просматривались на поверхности. Кроме 15 учтенных П.И. Кутафьевым, в ходе разведочных и стационарных работ 1984, 1990–1992 гг. было выявлено еще 4 насыпи, две из которых оказались с захоронениями (по моему плану № 13, 13А), а две другие – ритуальными сооружениями (возможно, поминального назначения, одна из них была первоначально отмечена в качестве кургана № 17). Упомянутые курганы 13 и 13А располагались между двумя раскопами 1930-х гг. (к. 7 и 8 – на плане Кутафьева) и в 1938 г. отмечены не были. По планиграфическим и стратиграфическим наблюдениям, курган 13А частично перекрывал отвал раскопа Кутафьева на кургане № 7 (на новом плане № 12), в котором обнаружено 2 погребения. В 1993 г. была вскрыта насыпь (6 × 7 м), располагавшаяся в «дуге», образованной изгибом слившихся насыпей курганов 9,

8, 10 и старым раскопом (к. 1=11). Под ней выявлены остатки крупного углистого пятна и найден фрагмент керамики. Возможно, здесь возжигался ритуальный огонь. Подобный объект с остатками кострищ ранее был вскрыт у южного окончания третьей группы насыпей. Возможно, в обоих случаях были встречены стационарные места для поминальных или каких-то других ритуалов, требовавших использования огня. Условно назовем эти места поминальниками.

В итоге всех раскопок было вскрыто 18 насыпей с 33 захоронениями: 1930 г. – 5; 1990 г. – 28. Для анализа планиграфии могильника и фиксации не учтенных Кутафьевым насыпей важно было соотнести два плана: старый (1938 г.) и новый (1984 г.). Особенно важным это оказалось в части, касающейся насыпей № 13 и 13А (новый план), которые отсутствовали у Кутафьева, но оказались весьма важными объектами *in situ*. В ходе исследований 1990–1992 гг. удалось скорректировать нумерацию курганов на старом и новом планах в следующем порядке: 1=11; 2=9; 7=12; 8=14. Между двумя старыми раскопами №7 и 8 нами были выявлены и изучены № 13 и 13А, под которыми располагались уникальные захоронения в лодках.

Из 28 исследованных автором погребений 24 находились в разной степени сохранности, некоторые в состоянии *in situ*, а 4 были полностью разрушены. Вскрыто 22 захоронения наземного типа и 6 грунтовых. Три погребения в ямах располагались в межкурганном пространстве на глубине 50–70 см от современной дневной поверхности. Фрагментарные остатки деревянных конструкций позволяют предположить, что в грунтовые погребения ставили деревянные перекрытые рамы или ящики, а умерших ориентировали головой на ЮВ. Похожие сооружения устанавливали и в подкурганных захоронениях, ориентируя умерших головой преимущественно в южные сектора картушки компаса. В результате раскопок было установлено, что преимущественно похороны проводились по обряду ингумации. Кремация на месте захоронения применялась один раз в курганах, раскопанных Кутафьевым, и два раза в раскопанных в 1990-е гг.

В отношении хронологических проблем раскопки дали новые надежные источники. Удалось установить, что могильник действовал на большом протяжении времени. Причины таких длительных сроков пока остаются дискуссионными, но находки показывают, что могильник пережил не менее чем два формирования. Действительно, первые захоронения появляются в пределах XIII–XIV вв., на что указывают специфические зоо- и орнитоморфные колоколовидные подвески из бе-

лой бронзы. А второй этап вполне определенно охватывает XVI–XVII вв. и гипотетически XV в.

В заключение считаю необходимым внести в название памятника уточнение, соответствующее современному знанию проблемы. Данное предложение обусловлено двумя обстоятельствами: 1) последовательная в рамках одной культуры деятельность кладбища на протяжении нескольких веков; 2) наличие наземных (подкурганных) и грунтовых захоронений на единой площади кладбища. На основании сказанного целесообразно не акцентировать внимание на хронологические характеристики (развитого, позднего средневековья) и тип (курганный, грунтовый) захоронений, а именовать памятник нейтральным названием – Кустовский могильник.

Прежние исследователи оставили без внимания тот факт, что поблизости от могильника располагалась серия из четырех селищ, ближайшее из которых (№ 1) находилось в 60 м к ССЗ от курганов северной группы. Вероятно, П.И. Кутафьев, увлекшись раскопками могильника, не обследовал достаточно детально окружающую местность и поэтому селища остались вне зоны его внимания. А.П. Дульзон, который пользовался полевым отчетом предшественника, просто не мог знать о существовании на этой площади других памятников. Кустовское селище I, включавшее три жилища, хозяйственный объект (?) и обильные культурные отложения в околожилищном пространстве, было стационарно исследовано в начале 1990-х гг. Установлено, что обитатели поселка строили полужемлянки с центральным очагом открытого типа, в одном случае у стены зафиксированы земляные нары. Жилища оказались на удивление чистыми от бытового мусора, который был обнаружен в большом количестве в околожилищной зоне. На территории раскопа, соединившего жилое и хозяйственное строение, обнаружено несколько тысяч артефактов, большая часть которых, очевидно, из жилищ: битая керамическая посуда, костяные и роговые изделия, заготовки, отходы, а также железные ножи, прутки и другие находки [7. С. 85–86].

Особой закономерностью для палеоселькупских могильников р. Кёнгй является сопровождение небольшими селищами (Кустовский, Тунгусское кладбище, Сухая Речка), расположенными в радиусе 60–100 м от крайних захоронений. Гребенщиковский могильник и вовсе располагается на территории поселения, относящегося к предшествующему времени [9. С. 201]. Но рассматривая этот вопрос шире, можно обнаружить, что такое сочетание характерно и для других памятников

шиешгула: могильники Тискинский (на Оби), Барклай (на Чае).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972.
2. *Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
3. *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
4. *Гемуев И.Н., Люцидарская А.А., Молодин В.И.* Селькупы в Барабе // Труды института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО АН СССР. Сыктывкар, 1991. Вып. 49. С. 78–93.
5. *Ожередов Ю.И.* К топонимике Барабы // Сибирские татары: матер. I Сибирского симпозиума. Тобольск, 1998. С. 101–104.
6. *Ожередов Ю.И.* Новые данные о Кустовском могильнике // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 206–210.
7. *Ожередов Ю.И.* Кустовский комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 84–86.
8. *Кутафьев П.И.* Отчет об археологических исследованиях по Нарымскому округу за 1938 год. Т. 2 // Архив Колпашевского краеведческого музея. Б.н.
9. *Дульзон А.П.* Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея (ТОКМ). 1956. Т. 5. С. 89–316.
10. *Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987.
11. *Чиндина Л.А.* Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 193 с.